

СКАЗКА
о смѣломъ Алѣшѣ Поповичѣ.

ѣ славномъ старомъ городѣ Ростовѣ,
на широкомъ на просторѣ, родился у со-
борнаго попа сынъ и названъ былъ при
крещеніи Алексѣемъ. Росъ ребенокъ не по

днямъ—а по часамъ, росъ, поднимался, и никто не видалъ, какъ онъ ужъ порядочнымъ парнишкой выросъ. А какъ только выросъ, такъ и не стало отъ него никому никакого покоя: либо онъ съ другими ребятами раздерется, либо свалится откуда нибудь—расшибется. И сталъ онъ съ малыхъ лѣтъ всѣхъ дивить своей смѣлостью: кажется, ничего на свѣтѣ и не бывало такого, чего бы онъ боялся. То на необъѣзженнаго коня вскочить, и ѣздить на немъ, какъ ни въ чемъ не бывало; то въ бурю уѣдетъ одинъ одишечекъ на озеро, въ челнокѣ съ однимъ веселкомъ; то вызовется вплавь черезъ рѣку плыть, да на ходу еще ныряетъ—жемчугъ со дна добываетъ; то въ дремучій боръ уйдетъ, да въ немъ три дня и пропадаетъ... Засадилъ его отецъ грамотѣ учиться—и грамота Алёшенькѣ въ прокъ по-

шла. Скорехонько онъ всѣ книги церковныя прошелъ, и читать сталъ не хуже любого дьячка, и вздумалъ его отецъ къ церковному чину пристроить, а потомъ въ науку отдать, попомъ сдѣлать и приходъ ему передать. Вотъ и говорить однажды отецъ Алёшенькѣ:

— Съ завтрашняго дня я тебя въ пономари назначаю; нашъ-то пономарь старъ становится, лазить ему на звонницу трудно — такъ вотъ ты полѣзай за него и звони къ обѣднѣ, къ вечернѣ и къ утренѣ.

— Слушаю, батюшка! — отвѣчаетъ Алёшенька кротко и послушливо. И чуть свѣтъ — полѣзъ на колокольню. Какъ началъ въ первый разъ звонить — всѣ веревки у колоколовъ пооборвалъ; привязали новыя, крѣпкія веревки — языки у колоколовъ повырывалъ; чуть языки къ

колоколамъ привѣсили — пришлось трезво-

нить къ празднику, и Алёшенька такъ по-

усердствовалъ, что у двухъ колоколовъ бока повыбивалъ.

Видитъ отецъ, что не годится сынокъ его въ пономари: слишкомъ дюжь и усерденъ. Онъ и говоритъ ему:

— Къ пономарству ты не пригоденъ. А какъ ты грамотѣ обученъ, такъ ступай-ка ты пѣнью церковному учиться. Какъ пѣнью выучишься, такъ я тебя въ пѣвчіе дьяки въ соборѣ опредѣлю.

— Слушаю, батюшка!—отвѣчаетъ Алёшенька кротко и послушливо. И тотчасъ сталъ пѣнью учиться, и ученье Алёшеньки въ прокъ пошло. Оказался у Алёшеньки голосъ такой здоровый, что хоть три дня подрядъ пой—все пѣть не устанетъ. Приняли Алёшеньку въ пѣвчіе дьяки, на крылось поставили и пѣть по нотамъ заставили. Да какъ дѣло было праздничное и народу въ церковь набралось ве-

ликое множество, захотѣлось Алёшенькѣ показать, какъ онъ пѣть можетъ: чуть запѣли многолѣтіе—онъ такъ рывкнулъ, что съ церковнаго свода штукатурка посыпалась. Видитъ отецъ, что не годится сынъ и въ пѣвчіе дьяки, и говоритъ ему:

— Не знаю, какъ съ тобою быть? Ты и въ пѣвчіе дьяки не годишься! А даромъ тебѣ ѣсть хлѣбъ не приходится—съ завтрашняго дня поступай ко мнѣ въ батраки-землепашцы.

— Слушаю, батюшка!—говоритъ Алёшенька кротко и послушливо.

И точно: запрягъ на утро лошадку соловую въ сошку кленовую—поѣхалъ пашню пахать. Ведетъ сошку полосою—посвистываетъ, и вдругъ у него подъ сохою что-то звякнуло.

— Что за притча! думаетъ Алёша,—ужь не кладъ ли? Остановилъ лошадку,

сталъ на томъ мѣстѣ землю раскапывать
и вытащилъ изъ земли шелома богатыр-
скій; сталъ дальше рыть и вытащилъ

мечъ булатный—такой, что только бога-
тырю въ пору поднять... И думаетъ: „дай
еще пороюсь! авось и еще что-нибудь вы-

рою?“ Сталъ рыть дальше—и вытащилъ изъ земли доспѣхъ богатырскій. Примѣрилъ Алёшенька доспѣхъ—и онъ ему въ самую пору пришелся; примѣрилъ шелома—и онъ ему какъ разъ по головѣ оказался; взялъ въ руку мечъ, да какъ взмахнетъ имъ надъ головою — только свистъ кругомъ пошелъ.

— Ну, видно, не бывать мнѣ батракомъ-землепашцемъ у батюшки, не сидѣть мнѣ подъ крылышкомъ у матушки—быть мнѣ богатыремъ у великаго князя Владимира, у краснаго солнышка Кіевскаго!

И какъ былъ, въ богатырскомъ шелома и доспѣхѣ, съ булатнымъ мечомъ на боку, бросилъ Алёша сошеньку на полосынькѣ, сѣлъ на лошадку соловенькую, и поѣхалъ домой — къ отцу съ матерью. Пріѣзжаетъ къ нимъ, говоритъ имъ:

— Родимые батюшка и матушка! До-

былъ я себѣ изъ матушки сырой земли богатырскіе доспѣхи и оружіе, и пришли они мнѣ по мѣрѣ и по силѣ, и положилъ я себѣ великъ зарокъ—не снимать этихъ доспѣховъ, не выпускать изъ руки меча булатнаго, пока я не сослужу великой службы великому князю Владимиру, красному солнышку Кіевскому. Отпустите же вы меня на службу богатырскую и дайте въ путь-дороженьку свое благословеньице родительское, на вѣки нерушимое.

Дѣлать нечего! Потгоревали, посѣтовали отецъ съ матерью, а въ благословеньи сыну не отказали; отдали ему и лошадку соловенькую — и поѣхалъ Алёшенька на подвиги, сражаться съ татарвою поганою, вырубать Чудь бѣлоглазую и Сорочину долгополую.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли—ѣхалъ удалой молодой богатырь Алёшенька Поповичъ, только выѣхалъ онъ на Кіевскую дорогу и сталъ подѣзжать къ граду стольному. Вотъ ужъ видитъ Алёшенька и Кіевъ - градъ и церквей его золотыя маковки, и не можетъ вдоволь на него налюбоваться. И идутъ ему на встрѣчу люди добрые—и всѣ говорятъ межъ собою такое нерадостное. Сталъ тѣхъ встрѣчныхъ людей Алёшенька спрашивать и говорятъ они ему, повѣся голову:

— Пришли граду - Кіеву послѣдніе дни,—наѣхалъ изъ дикаго Поля грозный богатырь Тугаринъ Змѣевичъ младъ, наѣхавши весь Кіевъ заполонилъ. Въ палатахъ князя Владиміра ѣстъ, пьетъ, потѣшается и всѣмъ домомъ его распоряжается. И не можетъ тотъ противъ него слова

молвить, потому что всѣ наши старшіе могучіе богатыри далеко заѣхали на службу княжескую, а изъ здѣшнихъ не смѣетъ никто съ Тугариномъ помѣяться.

Услыхаль это Алѣшенька Поповичъ, и поѣхаль прямо къ Кіеву, къ самому князю Владиміру, на его ли княженецкій дворъ. Подѣхаль онъ къ княжему терему, привязаль коня къ столбу приворотному и пошелъ прямо въ гридницу. Какъ вошелъ—такъ и всплеснулъ руками! Видить: князь Владиміръ стольно-кіевскій передъ Тугариномъ стоитъ, всѣми яствами его угощаетъ, а самъ слезы льетъ, сѣдинами утираетъ. А княгиня его, Апраксѣвна, Тугарину служитъ—всякія питья ему наливаетъ. И сидитъ Тугаринъ Змѣевичъ на столѣ князя Владиміра, сидитъ горѣ-горою, туча-тучею, глазищи въ лукошко, усищи висятъ до-полу, держитъ

въ рукахъ чару въ полтора ведра, вышиваетъ ее единымъ духомъ, мечетъ за щеку по цѣлому короваю ржаного хлѣба,

глотаешь разомъ по двѣ утицы да по курочкѣ на закусочку.

Вошелъ Алёшенька въ гридницу, пере-

крестилъ лобъ по писанному, повелъ поклонъ по ученому—сначала князю Владиміру, потомъ княгинѣ Апраксѣевнѣ, въ особицу, и говоритъ князю Владиміру:

— Князь Владиміръ стольно-кіевскій! что ты это съ кислою миной кругомъ стола ходишь? Почтò ты на свое мѣсто не сядешь? Да и что это за невѣжа на твоёмъ столѣ сидитъ—себя угощать заставляетъ, по караваю цѣльному за щеку мечеть, по двѣ утицы разомъ глотаеть? Ужъ и я ли того невѣжу проучить пришелъ.

Какъ зарычить на Алѣшеньку Тугаринъ Змѣевичъ, какъ выхватить изъ-за пояса кинжалище булатное, какъ пуститъ въ Поповича... Да ловокъ былъ Алѣшенька на лету ловить:—поймалъ кинжалъ, себѣ за поясъ заткнулъ, самъ говорить:

— Пригодится мнѣ твое кинжалище, какъ сойдемся мы съ тобою во чистомъ полѣ. А здѣсь драться намъ не пригоже: всѣхъ мы здѣсь нашимъ боемъ напугаемъ, всѣ столы опрокинемъ. Вотъ и зову я тебя во чисто поле, гдѣ есть мѣсто разгуляться добру молодцу, есть просторъ размахнуться его могучей рукѣ.

Всѣ Алёшеньку слушаютъ—дивуются! Какъ онъ дерзаетъ вызывать Тугарина въ чисто поле силой мѣряться! А Тугаринъ то ухмыляется, изъ-за стола подымается:

— А ну-ка,—говорить,—посмотримъ твоей удали! Побѣдилъ - побилъ я на своемъ вѣку богатырей тысячу: изъ побитыхъ ты 1001-й будешь. Какъ побью тебя,—не прогнѣвайся, привяжу къ хвосту своего коня, пусть любитъ на тебя твой князь Владиміръ стольно-кіевскій со своей княгиней Апраксѣвной.

Сѣлъ на коня Тугаринъ Змѣвичъ, взялъ въ руку боевую палицу пудовую, и выѣхалъ въ чистое поле биться съ Алёшенькой Поповичемъ. Съ Алёшенькою онъ сѣзжается, а самъ надъ нимъ издѣвается: — Прежде, чѣмъ я тебя побью, добрый молодецъ, ты скажи мнѣ, какъ тебя по имени звать, по изотчеству величать, чтобы зналъ я, кого мнѣ будетъ за упокой поминать?

— Знай, что зовутъ меня Алёшей, по прозванію Поповичемъ, и что пріѣхалъ я сюда изъ Ростова, гдѣ живутъ у меня батюшка съ матушкой, люди честные и православные.

— Ну, такъ я же имъ скоро пошлю о тебѣ вѣсточку.

И только было сталъ онъ поднимать свою палицу пудовую, какъ крикнулъ ему Алёша:

— Ахъ ты, обманщикъ! Самъ позоваль
меня въ чистое поле биться одинъ-на-
одинъ честнымъ боемъ, а за собой велѣлъ
ѣхать всей своей рати, силъ великой!

Тугаринъ, сдуру, повѣрилъ Алѣшѣ, на-
задъ обернулся, смотритъ—гдѣ же это
рать-сила великая? А Поповичу только
этого и надобно: подскочилъ онъ къ нему
единымъ духомъ, снесъ ему мечомъ голо-
ву единымъ махомъ. Взялъ его шеломъ и
палицу, и весь доспѣхъ ратный, нагру-
зилъ на его коня и привелъ въ поводу
на дворъ князя Владиміра. И дивились
всѣ подвигу Алѣши Поповича, его силъ
и храбрости, его догадкѣ и хитрости, и
громко пѣли въ честь его хвалебныя
пѣсни. А князь Владиміръ стольно-кіев-
скій обнялъ его и сказалъ ему:

— Даль мнѣ Богъ дружину храбрую
и сильныхъ могучихъ богатырей, да по-

слалъ я ихъ на защиту Русской земли, на службу порубежную, далекую, пона-дѣлся на то, что не придутъ къ Кіеву вороги. А вотъ, пришелъ Тутаринъ Змѣвичъ, всѣхъ моихъ младшихъ богатырей побилъ, дружину разогналъ и меня запонилъ. Спасибо же тебѣ, удалой добрый молодецъ, и останься же у меня на службѣ. Есть у меня два богатыря старшихъ—Илья Муромецъ да Добрыня Никитичъ—такъ будь же ты третьимъ старшимъ богатыремъ и имъ обоимъ названнымъ братомъ.

И зажилъ Алёша при дворѣ князя Владиміра припѣваячи—въ холѣ, въ волѣ и въ почетѣ. Князь съ княгиней за Алёшенькой ухаживаютъ, какъ сына его лелѣютъ, добрые молодцы Алёшеньку побаиваются, красны дѣвицы Алёшенькой любятъ. И ужъ сколько тамъ прошло

времени, то невѣдомо, а пришелъ однажды и такой то день, что вернулись Илья съ Добрынею къ стольному Кіеву городу, покончивъ службу свою дальнюю, порубежную, укротивши Сорочину долгополую, перекрошивши всю Татарву бусурманскую. Разказалъ имъ князь Владиміръ стольно-кіевскій про Алёшеньку Поповича, про его храбрость, смѣлость и догадливость. Прихвалили его братья названные, славные, могучіе богатыри, помѣнялись съ нимъ крестами и доспѣхами, а затѣмъ сказалъ ему старый богатырь, Илья Муромецъ, въ наставленіе:

— Исполать тебѣ, смѣлый Алёшенька Поповичъ! Хорошу сослужилъ ты службу князю Владиміру и его княгинѣ Апраксѣевнѣ! Избавилъ ты Русскую землю отъ злого врага и насильника. Только помни: не надѣйся на силушку—надѣйся только

на Господа Бога! Въ правомъ дѣлѣ Богъ
тебѣ силу пошлетъ, и та сила твоя и
удвоится, и утроится; а въ неправомъ

дѣлѣ не будетъ у тебя и поль-силушки—
побьетъ тебя и малый ребенокъ. Еще
помни ты: не со всякимъ тягайся силою.

Есть богатырь посильнѣй всѣхъ насъ — зовуть его Микулой Селяниновичемъ. Передъ тѣмъ мы всѣ не сильны, не могучи.

Поклонился Алёшенька старшему брату, Ильѣ Муромцу, обѣщался не забыть его совѣтовъ.

Вотъ пришли однажды въ Кіевъ калики - перехожіе, богомольцы - странники. Шли они въ Святую землю Гробу Господню помолиться — святымъ мѣстамъ поклониться. Велъ ихъ всѣхъ сѣдой старецъ. Зашли они во дворъ къ князю Владиміру, стали духовныя пѣсни пѣть, на дорожку милостыню просить. Зазвалъ ихъ князь къ себѣ за столъ, посадилъ, обласкалъ и щедро одарилъ. И былъ между тѣми каликами одинъ молодой красавецъ; приглянулся онъ дочкѣ князя Владиміра, и стала она тайкомъ княгиню Апраксѣвну просить, чтобы того юношу

отъ странствія удержать и съ ней подъ вѣнецъ поставить. Не посмѣла княгиня сказать о томъ старцу, не посмѣла замолвить слова и юношѣ; а пустилась она для дочки на хитрости. Думаетъ: „дай положу ему въ котомочку золотую чару съ княжого стола, и какъ пойдутъ отсюда калики въ свою дальнюю дороженьку, пошлю за ними погоню, велю захватить молодого калику, и верну его въ столичный Кіевъ“. Какъ подумала, такъ и сдѣлала.

Отдохнули калики, напитались, князю съ княгинею по глубокому поклону отвѣсили, разобрали свои котомочки, клюки-посохи въ руки взяли, спѣли на прощанье духовную пѣсню и пустились дальше въ путь-дороженьку. Идутъ день, идутъ другой—вдругъ за собой погоню слышали. Видятъ на коняхъ за ними княжая дру-

жина мчитъ—отъ конскаго топота земля дрожить. Стали калики перехожіе—ключи-посохи въ землю потыкали, оперлись на нихъ, выжидаютъ.

Подскакала къ нимъ княжая дружина, а впереди то всѣхъ Алёша Поповичъ. И повелъ онъ рѣчь къ сѣдому старцу:

— Хороши у тебя калики перехожіе! Заходили на княжій дворъ, княжеской хлѣба-соли кушали, да въ запасъ съ собою съ княжого стола и чарку прихватили? Вѣрно, ты ихъ такъ училъ, старый шутъ?

— Непонятны мнѣ твои рѣчи бранныя, отвѣчалъ Алёшенькѣ сѣдой старецъ.

— Коли ты понять не можешь, такъ я тебѣ по иному истолкую. Послалъ меня князь Владиміръ съ княгинею Апраксѣвной за вами въ погоню, приказалъ

всѣхъ васъ обыскать, и у кого въ котомкѣ княжая чарка окажется, того взять съ собою въ Кіевъ къ отвѣту.

— Ну, такъ чтожь? Исполниай волю княжую. Вотъ тебѣ котомки—обыскивай!

Сталь Алёшенька всѣ котомки перерывать, и нашель чарку въ котомкѣ самого старца.

— Видишь ли ты, старый плуть—не даромъ я тебя заподозрилъ? Вяжите его, братцы, ведите въ Кіевъ.

— Погоди вязать—я тебѣ всю правду скажу. Притянулся княгинѣ Апраксѣевнѣ вонъ тотъ юноша въ женихи дочкѣ, и вложила она ему чарку въ его котомку, чтобы въ Кіевъ вернуть, задержать и съ дочкой подѣ златъ вѣнецъ поставить. Я все это видѣль и подмѣнилъ его котомку—свою ему далъ, а его котомку себѣ взялъ...

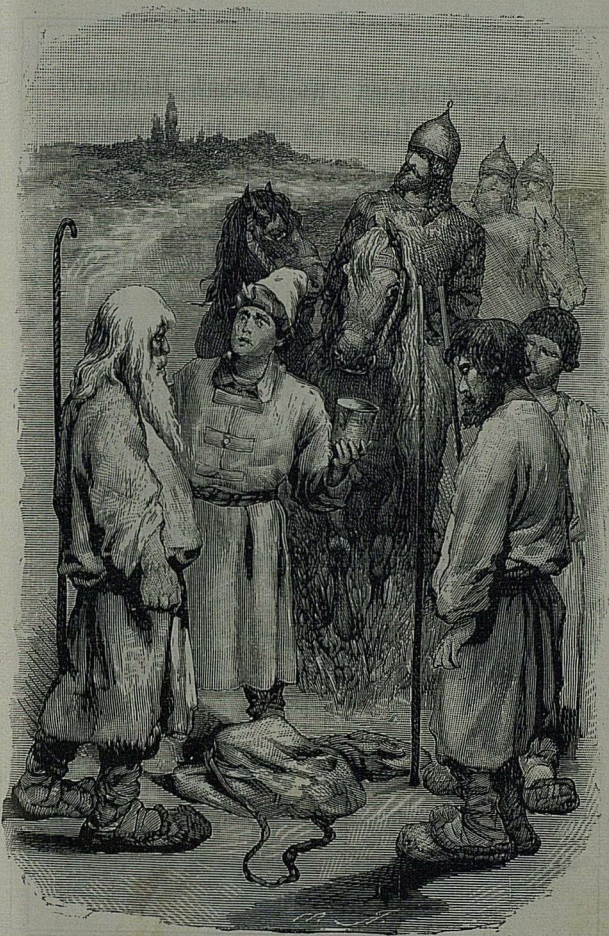
— Что ты мнѣ околесную путаешь!..
Вяжи его ребята!

— Я тебѣ не околесную путаю, а сущую правду, какъ передъ Богомъ, говорю...

— Вотъ какъ я тебѣ скручу руки, да свезу въ Кіевъ, такъ ты тамъ эту правду и попробуй сказать самой княгинѣ Апраксѣевнѣ!

Но только что хотѣлъ Алѣша Поповичъ на старца руку наложить, какъ тотъ коснулся его своимъ посохомъ, и упалъ Алѣшенька на землю и ослабѣлъ, какъ малый ребенокъ. И взялъ старецъ чарку княжескую, вложилъ ее Алѣшѣ за пазуху, и сказалъ, обращаясь къ его дружинѣ:

— Возьмите его съ собою въ Кіевъ, отвезите къ княгинѣ Апраксѣевнѣ; и какъ вынетъ она у него чарку изъ-за пазухи — вернется къ нему его сила прежняя. А

потомъ обернулся къ Алёшѣ Поповичу
и говоритъ: Помни и ты, что нарушилъ
совѣтъ старшаго брата, Ильи Муромца:

вступился въ дѣло несправое, поднялъ
руку на слабого... А за стараго да за
слабого—Господь защита.

И созвалъ старецъ своихъ каликъ перехожихъ, разобрали они свои котомочки, вскинули ихъ на плечи, поплелись далѣе путемъ-дороженькой: идутъ мѣрно, на клюки опираются и назадъ не озираются. Идутъ и на ходу свои духовныя пѣсни поютъ... И давно уже калики въ синей дали скрылись, давно ихъ пѣнья не слышно стало, а дружина князя Владиміра стоитъ вокругъ Алёши Поповича, какъ одурѣлая, кругомъ озирается, отъ страха опомниться не можетъ. Наконецъ ужъ, кое-какъ, добрые молодцы справились, Алёшеньку подняли, къ сѣдлу привязали, да съ двухъ боковъ поддерживая, повезли какъ малаго ребенка къ граду Кіеву, къ ласкову князю Владиміру.

А дочка то съ матушкой съ терема смотрятъ—женишка своего поджидаютъ: скоро ли моль Алёша его въ Кіевъ при-

везеть? Вотъ и видятъ, что дружина ѣдетъ.

— Смотри - ка, матушка! Вотъ они ѣдутъ! Вотъ и жениха моего связаннаго везутъ!

— Что бы это значило? говорить княгиня Апраксѣвна. Отчего бы имъ такъ тихо ѣхать? Да и зачѣмъ бы имъ юношу къ сѣдлу вязать? Я имъ этого не приказывала...

Какъ дружина къ крылечку подъѣхала, — видятъ всѣ, что Алёша на сѣдлѣ еле-живъ сидитъ. Стали, внесли его въ GRIDNICU, и говорить княгинѣ дружина Алёшина:

— Матушка-княгиня, привезъ онъ тебѣ твою чарку... Изволь ее сама вынуть у него изъ-за пазухи.

Какъ княгиня ее вынула, такъ и вспрыснулъ Алёшенька Поповичъ, сталъ бодро

и сильно на рѣзвы ноги и сказалъ княгинѣ Апраксѣевнѣ:

— Не чаялъ я, княгинюшка, что мнѣ

тебя при людяхъ корить прійдется! Не чаялъ, что ты меня обманомъ въ грѣхъ введешь. А изъ-за твоего обмана нака-

залъ меня старецъ, научилъ—каково вступаться въ дѣло несправое, какво подымать руку на слабого!

И застыдилась княгиня Апраксѣвна, и не посмѣла на его укоры слова молвить. А Алёшенька и не взглянулъ на нее—повернулся къ князю Владиміру, поклонился ему въ поясъ и сказалъ таково слово:

— Красное солнышко, Владиміръ-князь, стольно-кіевскій! Благодарствую тебѣ на твоёмъ хлѣбѣ-солѣ, а я жить у тебя не хочу долѣ... Вижу я около тебя такихъ людей, что поле сѣютъ рожью, а рѣчь свою красятъ ложью... Не могу съ ними подъ одной кровлей жить. Дозволь мнѣ поѣздить по землѣ свято-русской въ поѣздочку богатырскую. Гдѣ что увижу, расскажу тебѣ безъ утайки.

— Исполать тебѣ, удалой добрый мо-

лодець! отвѣчалъ ему ласковый Влади-
миръ-князь. „Поѣзжай по землѣ свято-рус-
ской, посмотри на народъ православ-
ный“.

Передъ выѣздомъ, пришелъ Алѣша По-
повичъ къ своимъ старшимъ названнымъ
братьямъ, къ Ильѣ съ Добрынею—про-
щаться. Прощались съ нимъ Илья съ
Добрынею, дарили ему въ путь дорогу
сѣдельце черкасское, до кольчугу булат-
ную, да топоръ боевой размашистый; вѣ-
шали ему на лѣвую руку червленый щитъ,
а въ правую давали ему крѣпкое копье.
Еще въ путь-дороженьку вручали молод-
цу тугой пѣвучій лукъ, а въ колчанъ
узорчатый пучкомъ вставляли стрѣлы пере-
летныя. И на каждой то стрѣлочкѣ было
вставлено по самоцвѣтному камню: днемъ
стрѣлки съ лука ему снять, ночью по
тѣмъ камушкамъ въ колчанъ собирать.

И сказали Алёшѣ старшіе богатыри въ напутствіе:

— Поѣзжай, Алёшенька съ Богомъ. Очищай отъ разбойниковъ дороги прямо-ѣзжія, защищай вдовыхъ съ сирыми, защищай слабыхъ отъ сильнаго; а услышишь, что идутъ на землю Русскую цари невѣрныя, присылай намъ скорѣе вѣсточку, чтобы могли мы идти къ тебѣ на помощь.

Съ тѣмъ Алёшенька и поѣхалъ изъ Кіева. Ёхалъ онъ и лѣсами дремучими, и болотами зыбучими, ёхалъ въ бродъ рѣками широкими, ёхалъ горами высокими, ёхалъ степями пустыми раздольными, ёхалъ лугами тучными, привольными. Съ утра вставалъ, на востокъ солнца краснаго лицомъ становился—Богу молился, потомъ ѣздилъ—гонялся за звѣремъ рыс-кучимъ, за птицей летучей—стрѣлялъ

себѣ на обѣдъ гусей-лебедей, а пообѣдав-

ши, опять въ путь дороженьку пускался.
И вездѣ то онъ прокладываль пути пря-

моѣзжіе—отъ села къ селу и отъ города къ городу—и вездѣ былъ грозою разбойникамъ, вездѣ защищалъ слабого отъ сильного, не давалъ вдовы съ сиротою въ обиду—вездѣ выполнялъ завѣтъ старшихъ братьевъ, могучихъ богатырей, Ильи Муромца съ Добрыней Никитичемъ.

Вотъ и ѣхалъ онъ однажды широкимъ полемъ: видитъ, вдали, на самомъ краю поля, пашетъ пахарь сохою матушку сыру-землю, на свою лошадушку покрикиваетъ. И поѣхалъ къ тому пахарю Алёшенька, захотѣлъ спросить его о дорогѣ. Ёхалъ онъ, ёхалъ, еле подъ вечеръ до пахаря доѣхалъ...

Видитъ, пашетъ мужечекъ, понукиваетъ, кобылку свою вѣточкой березовой отъ слѣпней обмахиваетъ, что есть мочи на соху налегаетъ, землю взрытую потомъ поливаетъ. Только и слышно, какъ о со-

шенъку позвякивають камешки кремне-
вые, да скрипять у сохи обжи кленовые.
И пашеть мужичекъ безъ устали, изъ кон-
ца въ конецъ поля борозды водить, толь-
ко кое-гдѣ соху встряхнетъ, да опять по
комьямъ за кобылкой идетъ. Посмотрѣлъ
на его работу Алѣша Поповичъ — видитъ,
что пахарь на него не смотритъ, и взду-
малъ онъ пахаря окликнуть. Остановился
пахарь среди поля, говорить Алѣшѣ По-
повичу:

— Чего тебѣ, добрый молодецъ, надобно?

— Сбился я въ вашихъ поляхъ съ
дороги прямоѣзжей. Покажи, братецъ,
какъ мнѣ на нее выѣхать.

Посмотрѣлъ на него пахарь присталь-
но, да и говорить:

— Ступай дальше, вонъ тамъ пашеть
мой средній братъ. Онъ тебѣ дорогу и
укажетъ.

Повернулся, крикнулъ на кобылку, и пошелъ опять изъ конца въ конецъ поля охаживать, бороздами землю взрывать, да тѣ борозды по́томъ поливать.

Поѣхалъ дальше Алёша Поповичъ, ѣхалъ до ночи, ночь въ дорогѣ ночевалъ, весь день ѣхалъ, и еле-еле къ вечеру до другого брата-пахаря доѣхалъ. Видитъ Алёша Поповичъ, что тотъ пашетъ, покрикиваетъ, за сохой похаживаетъ, крикнулъ ему:

— Богъ помочъ, добрый человѣкъ!

— Просимъ милости,—отвѣчалъ тотъ, остановилъ лошадку, встряхнулъ соху, и сказалъ:— а тебѣ что нужно, добрый молодецъ?

— Да вотъ сбился въ вашихъ поляхъ... Такъ не покажешь ли, какъ выбратся мнѣ на дорогу прямоѣзжую?

Посмотрѣлъ на него и этотъ братъ, говорить ему:

— Ступай дальше, добрый молодецъ! Тамъ, вонъ, за лѣсомъ, пашеть мой старшій братъ. Спроси у него—онъ тебя и выведетъ на дорогу.

— А какъ звать твоего брата?

— Зовутъ его Микулой Селяниновичемъ.

И сказавши это, повернулся, крикнулъ на лошадку и опять поплелся за сохою.

— Вотъ, подумалъ про себя Алёша Поповичъ, приведетъ Богъ увидѣть сильнаго, могучаго богатыря, Микулу Селяновича, передъ которымъ Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ не сильны, не могутъ—и тягаться не могутъ! То то, я думаю, великанъ да силачъ неслыханный!

И опять ѣхалъ Алёшенька до ночи, ночь ночевалъ, день ѣхалъ и только къ

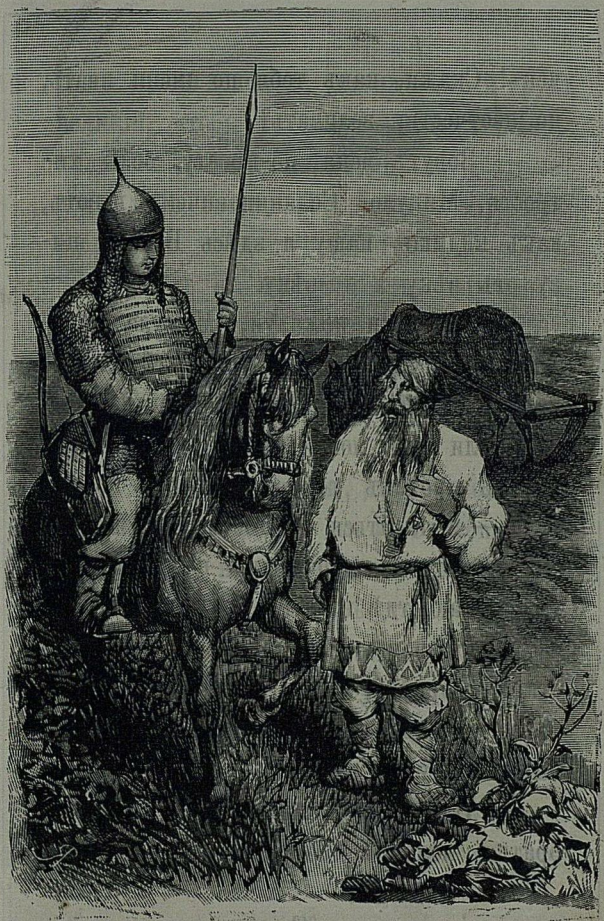
вечеру завидѣвъ вдали пахаря надъ сохою. Пашетъ мужичекъ, понукиваетъ, что есть мочи на-соху налегаетъ, взрытыя борозды потомъ поливаетъ. Взглянулъ на него Алёшенька да и подумаль:

— Что же это мнѣ мои старшіе братья наврали? Зачѣмъ надо мной сильные могучіе богатыри насмѣялись? Неужли же этотъ Микула Селяниновичъ сильнѣе ихъ? Да этого богатыря мнѣ и на одну руку мало!

Какъ онъ это подумаль, такъ осадилъ мужичекъ свою лошадку, соху вытряхнулъ да на бороздѣ оставилъ, и самъ къ Алёшенькѣ подходитъ, шапочку на головѣ поправляетъ, руки мозолистыя разминаетъ. И говоритъ онъ Алёшенькѣ:

— Здравствуй, добрый молодецъ! Зачѣмъ ко мнѣ пожаловаль?

— Здравствуй и ты, пахарь-работни-

чекъ! Скажи, какъ тебя по имени звать, по изотчеству величать?

— Зовутъ меня по-просту, безъ хитрости, Микулой Селяниновичемъ, и вотъ, какъ видишь, пашу я здѣсь Божью ниву отъ вѣку и до-вѣку.

— А скажи пожалуй, Микула Селяниновичъ, точно ли правду мнѣ сказывали о твоей могучей силѣ и крѣпости? Говорили мнѣ мои старшіе братья, будто они противъ тебя не сильны, не могучи — и тягаться съ тобою не могутъ. Да я, вотъ какъ посмотрю на тебя. такъ и подумаю: гдѣ въ тебѣ быть могучей силѣ? Насмѣялись, видно, надъ мною мои старшіе братья, Илья Муромецъ да Добрыня Никитичъ, насказали о тебѣ небывальщину.

— Нѣтъ, тебѣ правду обо мнѣ твои братья молвили. Точно: — одарилъ меня

Богъ силою великою, указаль мнѣ и трудъ великій, чтобы ту силу тратить... Повелѣль пахать землю-кормилицу, добывать изъ нея хлѣбъ насущный для всего міра православнаго.

— Есть на что тратить силу великую! — сказалъ Микулѣ Алёшенька. Это что за трудъ — землю пахать, за сохою ходить, пашню взрывать! Это и всякому мужику подѣ силу!

— Вижу я, что ты, добрый молодецъ, младёшенекъ, да еще ли ты глупёшенекъ! Ничего ты въ житейскихъ дѣлахъ не смыслишь... Все бы тебѣ только биться-ратиться — силу пробовать богатырскую! А ну-ка, пойдѣ, попробуй нашей работушки!

— Велика важность! — сказалъ Алёша Поповичъ, — и вѣстимо попробую!...

Слѣзъ съ коня, скинулъ съ себя дос-

пѣхи и оружіе, подошелъ къ сохѣ, и хотѣлъ ее встряхнуть по Микулиному, ухватился за нее руками могучими—да и поднять ее изъ борозды не смогъ...

Бился, бился Алёшенька—видить, что Микулина соха ему не подъ силу; видить, что не даромъ ему говорили братья о Микулѣ Селяниновичѣ. Сошелъ Алёшенька съ пашенки, подошелъ къ Микулѣ, снявъ шапочку, поклонился ему въ поясъ, и говоритъ:

— Здравствуй, Микула Селяниновичъ, здравствуй нашъ старшій, наибольшій братъ!

— Такъ - то, добрый молодецъ! Посмотрѣлъ теперь, какова наша соха-кормилица? Потяжеле, небось, будетъ твоей сбруи ратной, меча-кладенца, палицы булатной? Помни же, молодецъ, что нѣтъ святѣ нашего дѣла: землю пахать, за сохою ходить, пашню засѣвать, сѣмя по-

томъ поливать. Пока я сохи не брошу — будешь и ты сытъ, и весь міръ православный! Ступай же своею дорогою, служи свою службу ратную, становись на рубежной заставѣ, защищай землю Русскую отъ злыхъ враговъ. Вотъ тамъ дорога прямоѣзжая.

Сказаль это Микулушка Селяниновичъ, и опять за соху взялся, крикнулъ на лошадку и пошелъ пахать свою пашню. А молодой Алёша Поповичъ надѣлъ на себя всю сбрую ратную, въ поясъ Микулушкѣ поклонился, сѣлъ на коня своего и поѣхаль на край земли Русской, на край поля Дикаго, на заставу порубежную, и стоитъ теперь тамъ ужъ не первый годъ, поражаетъ враговъ-недруговъ, бьется на смерть съ злыми татаровьями, сокрушаетъ Чудь бѣлоглазую и Сорочину долгополую. И послаль ему Богъ силу великую — и

та сила его растеть да растеть, и двойт-
ся, и трóится. Бодро онъ стоитъ на стражѣ
родной земли, поминая трудъ Микулы Се-

ляниновича и его меньшей братіи, поми-
ная весь народъ православный.

Пусть же знаютъ нашу сказочку лю-

ди русскіе! Разказали мы ее по были-
намъ стараго времени, стараго, стародав-
няго; разказали всѣмъ, чтобъ старина-то
помнилась, не забывалась, травой не глож-
ла, былѣемъ не поростала!...

